

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-4-30-39

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОУЧЕНИЙ XI–XIII ВЕКОВ

Калинин К. А.

Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны, Российская Федерация

e-mail: filologkalinin@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2026

Принята к публикации 14.04.2026

Аннотация

Цель. Выявление и описание коммуникативных стратегий повествователя в тексте древнерусских поучений с учётом реализации в них коммуникативных моделей ролевого дейксиса.

Процедура и методы. Достижение поставленной цели реализуется с помощью применения следующих методов: структурно-типологического, моделирования, лингвистического эксперимента и дискурсивного анализа. В работе исследуются корпуса текстов древнерусских поучений наиболее значимых проповедников – Феодосия Печерского (XI век) и Серапиона Владимирского (XIII век), а также ряд древнерусских посланий.

Результаты. На основании анализа корпуса текстов древнерусских поучений XI–XIII вв. выделены основные коммуникативные стратегии повествователя (адресанта), направленные на изменение модели мира слушателя (адресата) в соответствии с божественной истиной. Описаны языковые средства разных уровней, отбор которых позволяет реализовать выбранную коммуникативную модель. Показана роль выбора той или иной коммуникативной модели для оказания эмоционального воздействия на адресата текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование закладывает теоретические основы для изучения древнерусского текста как речевого жанра в свете достижений современной лингвистики для установления динамических процессов в русском языке.

Ключевые слова: древнерусские поучения, коммуникативные стратегии, повествователь (адресант) – текст – слушатель (адресат), ролевой дейксис, языковая модель повествователя

Для цитирования:

Калинин К. А. Коммуникативные стратегии повествователя в тексте древнерусских поучений XI–XIII веков // Отечественная филология. 2026. № 4. С. 30–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-30-39>.

Original research article

NARRATOR COMMUNICATIVE STRATEGIES IN OLD EAST SLAVIC HOMILETIC TEXTS OF THE 11TH–13TH CENTURIES

K. Kalinin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

e-mail: filologkalinin@mail.ru

Received by the editorial office 10.04.2026

Accepted for publication 14.04.2026

Abstract

Aim. Identification and description of the narrator's communicative strategies in the text of Old Russian teachings, considering the implementation of communicative models of role deixis.

Methodology. The achievement of the set goal is realised by means of the application of methods of scientific analysis, structural-typological, modelling, linguistic experiment and discourse analysis. The paper analyses the corpora of texts of the most significant preachers of Old Russian teachings, such as Feodosy Pechersky (11th century) and Serapion Vladimirsky (13th century), as well as several Old Russian epistles.

Results. Based on the analysis of the corpus of Old Russian teachings from the 11th–13th centuries, the main communicative strategies of the narrator (“addresser”) aimed at changing the listener’s (“addressee”) worldview in accordance with divine truth have been identified. The paper describes language tools at various levels, the selection of which enables the implementation of the chosen communicative model. It highlights the role of selecting a particular communicative model in exerting an emotional impact on the text recipient.

Research implications. This study lays the theoretical foundations for studying Old Russian texts as a speech genre in the context of modern linguistics to establish dynamic processes in the Russian language.

Keywords: Old Russian teachings, communicative strategies, narrator (“addresser”) – “text” – listener (“addressee”), role deixis, narrator’s language model

For citation:

Kalinin, K. A. (2026). Narrator Communicative Strategies in Old East Slavic Homiletic Texts of the 11th–13th Centuries. In: *Russian Studies in Philology*, 4, 30–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-4-30-39>.

Введение

Древнерусские поучения представляют собой показательный материал для исследования средневековой русской словесности с позиций теории коммуникации. Применение достижений современной лингвистики к изучению этих текстов значимо и перспективно. Включение древнерусского языкового материала в данный контекст позволяет расширить перспективу исследований и установить причины системных динамических процессов в русском языке. Этим и обусловлена актуальность настоящей работы.

Почтения довольно подробно изучены как жанр древнерусской литературы (М. В. Антонова, И. П. Ерёмин, Д. С. Лихачёв, Н. В. Поньрко и др.). Большинство работ посвящены изучению идейно-тематического своеобразия отдельных произведений в контексте древнерусской словесности. Однако вопрос о лингвистическом описании текстов поуче-

ний как речевого жанра остаётся открытым и требует специальных исследований.

Научная **новизна** определена применением к анализу текста древнерусских поучений XI–XIII веков данных теории коммуникации в аспекте определения коммуникативных стратегий повествователя через реализацию ролевого дейксиса.

Одним из важнейших аспектов рассмотрения древнерусского поучения как речевого жанра с позиций теории коммуникации является определение стратегий развёртывания авторского повествования для решения коммуникативной цели, обусловленной системной и структурной организацией текста.¹ Вслед за Е. А. Петренко под коммуникативной стратегией мы понимаем «осознанно избранный автором принцип порождения текста, обусловленный принадлежностью субъекта высказывания определённому типу (институцио-

¹ Актуальные проблемы современной русистики: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2026. С. 327–330.

нального) дискурса, характеризующийся наличием воздействующего потенциала (стремлением изменить или скорректировать модель мира адресата), воплощающийся в выборе субъектом высказывания специфической жанровой формы и типичного набора текстовых и разноуровневых языковых средств» [1, с. 13]. Предложенное определение ставит перед исследователем текста древнерусского поучения ряд задач, решение которых позволит понять, каким образом повествователь (адресант) текста предпринимает попытку достижения коммуникативной цели и какие языковые средства позволяют ему добиться необходимой ответной реакции слушателя (адресата). Это подводит к проблеме отбора языковых средств¹, решение которой призвано «обнаружить малейшие колебания смысла в развёртывании произведения» [2, с. 219]. Повествователь в тексте древнерусского поучения как активный субъект коммуникативного акта реализует свой потенциал через выбор определённого набора языковых средств в рамках заданной структуры: «идея известна – язык дан – текст задан» (В. В. Колесов)², ориентацией на «знакомое» (Д. С. Лихачёв) [3, с. 71].

Коммуникативные стратегии повествователя древнерусских поучений

В текстах древнерусских поучений XI–XIII вв. довольно отчётливо выделяются четыре коммуникативные модели, которые определяют языковые взаимоотношения адресанта (повествователя) и адресата (слушателя): «азъ/я ↔ вы»; «азъ/я ↔ ты»; «о – ты»; «мы». Перечисленные модели коммуникативной организации текста реализуются в древнерусских поучениях не изолированно друг от друга. В зависимости от конкретной коммуникативной задачи, условий коммуникативной ситуации и характера адресанта повествователем

выбираются определённые языковые средства организации текста в пределах заданной коммуникативной модели. В текстах древнерусских поучений эти модели могут развёртываться последовательно или параллельно, сталкиваться или противопоставляться друг другу. В тексте реализуются варианты соотношения ролевых дейктиков 1 и 2 лица (*азъ/я – мы – ты – вы*), а также соответствующих им глагольных форм и притяжательных местоимений в текстовом пространстве. Это определяет ведущую роль морфологических языковых средств в выражении авторской модальности побуждения [4, с. 75]. Варианты взаимодействия коммуникативных моделей могут быть определены как коммуникативные стратегии, реализующие языковое поведение повествователя. В текстах древнерусских поучений XI–XIII вв. можно выделить следующие коммуникативные стратегии повествователя:

1. Последовательная реализация одной коммуникативной модели в пределах текста. Подобная организация древнерусского поучения обычно связана с реализацией конкретной идеи, которая пронизывает текстовое пространство. В тексте устанавливается единая синтаксическая перспектива, которая подчиняет себе отбор повествователем средств различных языковых уровней. Примером реализации такой коммуникативной стратегии может служить текст «Почтения» преп. Серапиона Владимирского («Почюдимъ, братъе...»)³. В тексте последовательно реализуется коммуникативная модель «мы», которая задаётся уже в самом начале поучения: *«Почюдимъ, братъе, челоуѣколюбъе Бога нашего. Како ны приводить к себе? Кыми ли словеса не накажет насъ? Кыми ли запрѣщени не запрѣти нам? Мы же никако же к Нему обратимся!»*⁴ Синтаксическую перспективу текста ор-

¹ Колесов В. В. Слово и текст в древнерусской традиции // Колесов В. В. Древнерусский литературный язык: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2026. С. 294.

² Там же. С. 296.

³ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 376–379.

⁴ Там же. С. 376.

ганизует словесный ряд предикатов в форме 1-го лица множественного числа, представленный на протяжении всего поучения: *почюдимъ – обратимся – покажемся – двигнухомъ – в поношение быхомъ – в посмѣхъ быхомъ – сведохомъ – подвигохомъ – отвратихомъ – не дахомъ призирати – казними есмы – обрати-хомся – покаяхомся – отступихомъ – оцѣстихомся – забыхомъ – творимся – жадаемъ – не престанемъ – насытитися не можемъ – желаемъ – падохомъ – речемъ*.¹ Обращает на себя внимание семантическое распределение временных форм, значения которых актуализируются в контексте, «относятся к сфере синтаксиса и являются интенциональными» [5, с. 12]: формы аориста указывают на причины духовного упадка адресанта, от которого повествователь грамматически не отделяет и себя. Это позволяет ему не осуждать слушателей, а показать их положение в свете божественной истины. Формы настоящего / будущего простого времени указывают на вектор необходимых изменений жизни слушателя, что и является коммуникативной задачей повествователя. Усиливает синтаксическую перспективу текста, реализующую коммуникативную модель «мы», многочисленное использование форм дейктического местоимения *мы*, а также притяжательного местоимения *нашъ*, которые характеризует субъектно-объектные отношения адресата и адресанта текста. В тексте употребление этих местоимений становится семантически избыточным и начинает выполнять функцию художественного средства. Для описания последствий несправедливой жизни разворачивается цепь амплификаций, построенная по принципу грамматического параллелизма. Лексической скрепой оказывается повторение в каждой конструкции местоимения *наша*. Приведём фрагмент: «*села наша лядиною поростоша, и величество наше*

смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ в користь бысть, трудъ нашъ погании наслѣдоваша».² В синтаксическую перспективу текста включены и некоторые цитаты Священного писания, которые подчёркивают объективность авторского повествования: «*двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду: «Въскорѣ възгорися ярость Его на ны»*³ или «*Како речемъ: «Отче нашъ, остави нам грѣхи наши»*», а сами не ставяюще?»⁴ Выбор цитат позволяет вписать их в реализацию общей коммуникативной модели «мы», что и становится коммуникативной стратегией повествователя древнерусского поучения.

Реализация одной коммуникативной модели на протяжении всего текста поучения оказывается характерной для текстов древнерусских посланий, которые чаще всего реализуют модель «*азъ/я ↔ ты*». Это обусловлено позицией повествователя, обращённого к конкретному адресату, а не к обобщённой группе лиц («братии», «чадам духовным»). Примером последовательной реализации такой модели могут служить тексты послания «Отъ грѣшного Георгия, черноризца Зарубьскыя пещеры, повѣньне къ духовному чаду»⁵ или «Послания смиреннаго епископа Симона, Владимирскаго и Суздальскаго, к Поликарпу, черноризцу Печерскому».⁶ Выбор языковых средств в текстах обусловлен их коммуникативной задачей: выражением реакции на конкретный поступок или вопрос адресанта.

2. Расщепление модели «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*». Такая коммуникативная стратегия чаще всего обусловлена необходимостью прямого выражения отношения повествователя к несправедливой жизни тех, к кому обращено поучение. Подобная организация текста позволяет повествователю смягчить обличение через неотделение себя от слушателей в начале поучения.

² Там же. С. 376.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 378.

⁵ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. С. 152–153.

⁶ Там же. С. 181–186.

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 376–379.

При этом синтаксическая перспектива текста выстраивается по принципу усиления средств выражения авторской модальности. Момент расщепления коммуникативной модели «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» оказывается сильной позицией текста. Как правило, именно в пункте отделения точки видения повествователя от точки видения адресанта первым прямо высказывается коммуникативная задача поучения. Это оказывается и значимым риторическим приёмом, акцентирующим внимание адресата на ключевой идее текста.

Описанная коммуникативная стратегия реализуется в тексте «Слова преподобного отца нашего Серапиона».¹ С начала текста поучения повествователем реализована коммуникативная модель «*мы*»: «Тогда реченное Господомъ **нашимъ** ныня збысться – при **насъ**, при **послѣднихъ** людехъ».² Повествователь ни семантически, ни грамматически не отделяет себя от своих слушателей, даже при описании духовного отступления: «**Не послушахомъ** Еуаггелья, не **послушахомъ** Апостола, не **послушахомъ** пророкъ, не **послушахомъ** свѣтилъ великихъ».³ Это позволяет ему, с одной стороны, расположить к себе слушателей, не показывая своего духовного превосходства и не возвышаясь над нами. С другой стороны, повествователь как бы устраняет выражение субъективного отношения к описываемому в поучении, что приводит к объективации авторского повествования. Отсутствие противопоставленных позиций в тексте («*азъ/я ↔ вы*») формирует пресуппозицию высказывания, определяющую согласие повествователя (адресанта) и слушателя (адресата) в общей характеристике ситуации. Это и позволяет повествователю перейти к мысли о необходимости духовного преобразования. Расщепление «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» в описываемом тексте происходит в следующих

фрагментах: «**оубоитесь, молю вы, сего напраснаго разлученья**»⁴ и далее «Много бо **глаголю вамъ: аще бо не премънитесь, извьта не имате пред Богомъ**».⁵ Переход к коммуникативной модели «*азъ/я ↔ вы*» меняет тональность повествования и актуализирует модальность предупреждения. Повествователь отделяет себя от слушателей и передаёт им ответственность за последствия невыполнения предписаний поучения. Появление противопоставления «*азъ/я ↔ вы*» позволяет сделать авторское повествование более сильным в риторическом отношении и акцентировать внимание слушателей на значимых для повествователя содержательных аспектах поучения.

Выбор коммуникативной стратегии расщепления «*мы*» на «*азъ/я ↔ вы*» характерен для текста «В пяток 3 недѣли поста святаго Феодосия поучение о трѣпѣнии и о смирении».⁶ Замена синтаксической стратегии происходит в завершающей части текста поучения: «**Да не льнѣмся, любимици мои, братиа и отци и чада духовнаа избраннаа, съ слъзами бо глаголю горкаа словеса въ *вашей* любви**».⁷ Переход от «*мы*» к «*азъ/я ↔ вы*» усиливает эмоциональный пафос авторского повествования и позволяет адресанту прямо выразить свои эмоции. Выбранная коммуникативная стратегия позволяет эксплицитно высказать мотивацию и коммуникативную задачу поучения: «**Да нужда *ми* есть глаголати къ *вашей* любви вся та, да нѣ кто умреть въ *моемъ* молчаніи лютым грѣхомъ**».⁸ Выбранная повествователем коммуникативная стратегия позволяет ему передать ответственность за соблюдение / несоблюдение предписанного в тексте поучения адресату и ещё раз подчеркнуть значимость сказанного.

3. Объединение модели «*я ↔ ты/вы*» в «*мы*». Общая перспектива такой коммуни-

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370–373.

² Там же. С. 370.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 372.

⁵ Там же.

⁶ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 178–179.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Там же.

кативной стратегии в тексте поучения связана с переходом от обсуждения частных, конкретных ситуаций к обобщениям, от субъективного к объективному повествованию. Чаще всего эта стратегия выбирается повествователями для того, чтобы расположить адресата, не оттолкнуть его обличением, а показать путь спасения, что является ведущей темой на протяжении всего периода развития древнерусской словесности [6, с. 15–16]. Переход к реализации коммуникативной стратегии «*мы*» характерен для текстов древнерусских поучений в целом, т. к. передаёт одну из важнейших категорий мышления древнерусского человека – идею соборности, которая находит выражение в произведениях словесности через отбор языковых единиц разных уровней. В тексте древнерусского поучения стирается противопоставление между повествователем (адресантом) и слушателем (адресатом), что приводит к достижению коммуникативной задачи: внушению божественной истины.

Переход от «*азъ/я ↔ ты*» в «*мы*» последовательно реализован в тексте «Въспрашанье Изяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, игумена Федосья Печерьскаго монастыря». ¹ Текст написан как ответ на вопрос адресанта поучения о посте, который мог бы быть задан при устном общении или передан автору поучения в любом виде. Авторская формулировка жанра текста как «въспрашанье» подчёркивает характер коммуникативной ситуации, реализованный в тексте использованием коммуникативной модели «*азъ/я ↔ ты*» уже с первых фраз: «Что возмыслил *еси*, боголюбый княже, *воспрашати мене*, *некнижна і худа*, о таковоі *вещи*». ² Противопоставление адресанта и адресата поддержано антитезой в их характеристике, выраженной именами прилагательными: *боголюбый – некнижна і худа*. Развёртывание текста поучения реализуется через последовательные отве-

ты повествователя на вопросы адресанта, которые формулируются первым. Это позволяет композиционно разделить текст поучения, по крайней мере, на четыре смысловых блока [7, с. 162] и выстроить отношения между участниками коммуникативной ситуации. В своих ответах повествователь текста использует традиционные средства объективации авторского повествования, призванные подчеркнуть, что предложенные в поучении ответы являются не собственным отношением повествователя, а попыткой сформулировать божественную истину: «*Не я сего завѣщаю, но святїи апостоли*». ³ Риторическая стратегия повествователя реализуется в его позиции как «глашатая» вечных истин [8, с. 16]. Он спорит с иным мнением, которое послужило причиной вопроса адресата (князя) и подчёркивает его субъективность: «*А **иже рекъ** ти в нѣдѣлю не рѣзати, ни того ясти, но не от святаго писания рекъ, нѣ от **своего сердца***». ⁴ Этим противопоставлением повествователь подчёркивает, что для него важнее провозглашение божественной истины, основанной на Священном писании, чем выражение личных суждений, что характерно для средневековой русской словесности в целом [9, с. 24]. Соединение «*азъ/я ↔ ты*» в тексте поучения в «*мы*» реализуется в его финальной части: «***Мы** бо **имамъ** преданья святыхъ апостолъ*». ⁵ При этом позиция «*азъ/я ↔ ты*» не устраняется. Таким образом, повествователь получает возможность подчеркнуть, что высказанная в тексте поучения идея является объективной и становится общей для адресанта и адресата вместе.

Переход от коммуникативной модели «*азъ/я ↔ вы*» к «*мы*» наблюдается в тексте «Въ среду 3 недѣли поста поучение о ползѣ душевнѣи» преп. Феодосия Печерского. ⁶ В начале текста повествователем обозначена

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 182–183.

¹ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 168–170.

² Там же. С. 168.

традиционная для древнерусских поучений коммуникативная ситуация: обращение духовного наставника к своей пастве: «Тѣмъ убо **азъ** нынѣ **дрѣзнухъ** се писати **вамъ**, и **еще** молюся всею душою **моєю**, от болѣзніа сердца горкыя слезы к **вамъ** испущая».¹ Повествователь при этом выстраивает обратную перспективу: себя он уничижает и ставит в подчинённое положение (*дрѣзнухъ, горкыя слезы*), а через обращение к адресату подчёркивает его значимость в масштабах христианского мира: «Братія моя и отци, и чада духовнаа, и съборе Богомъ събранный, и стадо Христово възлюбленное».² После обращения автор меняет коммуникативную модель и вместо ожидаемого употребления в тексте поучения форм 2-го лица множественного числа местоимений и глаголов автор использует формы 1-го лица множественного числа. В тексте выделяется словесный ряд предикатов, последовательно реализующий коммуникативную модель «мы»: *въспрянѣмъ – възненавидѣмъ – имѣмъ – не можемъ – подвизаемъ – възненавидѣмъ – есмь общались – прѣтрѣнимъ – есмь изглаголали – не будемъ – имѣмъ – не можемъ – общахомъ – варимъ – въскликнемъ – поклонимъ – припадѣмъ – възплачемъ – услышимъ – ожестимъ – вънидемъ – насытимъ*.³ Этот словесный ряд предикатов составляет основу синтаксической перспективы развёртывания текста. В него грамматически вписан и ряд цитат текстов Священного писания, что позволяет включить призыв повествователя в контекст знакомых божественных истин и, соответственно, придать поучению большую значимость. Интересна в этом аспекте реализация повествователем прямого призыва в тексте: «Да и **еще**, любимици мои, молю вы ся: **подвизаемъ** и **възненавидѣмъ** мира и **яже** в миръ».⁴ После обращения вместо ожидаемой формы им-

ператива 2-го лица множественного числа повествователем использованы формы 1-го лица множественного числа, которые позволяют ему не отделять себя от своих слушателей, а привлечь к общему решению названных духовных проблем. Таким образом, переход от модели «азъ/я ↔ вы» к модели «мы» является сознательной коммуникативной стратегией повествователя древнерусского поучения, позволяющей ему не отделять себя от своих слушателей, а показать общую цель спасения души, к которой он не только призывает, но и стремится сам, что ведёт к реализации коммуникативной задачи поучения.

4. Отзеркаливание модели «азъ/я ↔ вы» через идею «я = вы». В ряде текстов древнерусских поучений традиционная коммуникативная модель «азъ/я ↔ вы», указывающая на адресанта и адресата текста соответственно, переворачивается повествователем для достижения особого эмоционального эффекта воздействия на слушателя. Описывая себя («азъ/я»), повествователь даёт характеристику слушателю, который должен в предложенной негативной характеристике увидеть своё духовное состояние. Описание слушателя («вы») реализуется повествователем для выражения того идеального состояния, к которому тот должен стремиться. Подобная коммуникативная стратегия позволяет адресанту текста поучения выстроить образы негативного настоящего и желаемого будущего через отзеркаливание модели «азъ/я ↔ вы» через идею «я = вы». Это позволяет не прямо говорить о духовном состоянии, а дать возможность адресату самостоятельно понять это. А позитивное описание адресата должно послужить мотивацией для достижения спасения души.

Такая коммуникативная стратегия организации поучения реализуется в тексте «Въ вторник 3 недѣли поста на часѣхъ слово утѣшно къ братии о душевнѣй ползѣ» преп. Феодосия Печерского.⁵ Уже с первых строк поучения автор не просто даёт себе

¹ Ерёмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 182.

² Там же.

³ Там же. С. 182–183.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Там же. С. 181–182.

уничижительную характеристику, в целом характерную для древнерусской словесности, но и предлагает описание «своего» духовного падения: *«Азъ, грѣшный и лѣнливый, погрѣбый талантъ свой в земли и не придѣлавъ имъ ничтоже, и чаю по вся дни на себѣ онѣхъ лютыхъ и немилостивыхъ истязатель...»*¹ Это описание повествователь вписывает в контекст евангельской притчи о злом рабе, который не преумножил талант, данный ему господином (Мф. XXV, 14–30). В тексте поучения организуется словесный ряд конструкций негативной семантики, относящихся к описанию повествователя (*«азъ/я»*). Напротив, реализация в тексте языковых средств, описывающих адресата (*«вы»*), имеет позитивную семантику: *«да нѣкако бы ся умилосердил благодѣй Богъ вашихъ дѣла молитвъ и любовь, юже къ мнѣ имѣете»*² и *«вашеа ради любви радуясь»*.³ Выбранная коммуникативная модель как бы возвышает слушателей над повествователем, однако должна заставить их обратить внимание на себя и увидеть несоответствие этой характеристики и их духовного положения, а также примерить описание повествователя на себя. В завершение поучения им прямо выражена коммуникативная цель текста с использованием императива, побуждающего к перемене: *«Потицаніе имѣйте, да тогожде блаженства сподобитесь и жизни вѣчнѣй причастници будете»*.⁴ Выбранная коммуникативная стратегия рассчитана на вдумчивого слушателя, который должен стать активным участником коммуникации и самостоятельно сделать выводы после знакомства с текстом поучения.

5. Чередование коммуникативных моделей в пространстве текста. В ряде древнерусских поучений реализуется неоднократное смещение коммуникативных моделей в пределах одного текста. Это об-

условлено конкретными коммуникативными задачами повествователя и самим содержанием текста. Выбор другой коммуникативной модели позволяет ему акцентировать внимание слушателей на том или ином аспекте повествования, что делает момент смены модели сильной позицией текста. Обычно в таких фрагментах текста повествователь прямо говорит о своих коммуникативных задачах. Обращение внимания на эти позиции позволяет понять авторский замысел и дать адекватную интерпретацию текста поучения.

В тексте «Почения» преп. Серапиона Владимирского (*«Многу печаль в сердци своемъ...»*)⁵ пять раз последовательно сменяют друг друга коммуникативные модели *«азъ/я ↔ вы»* и *«мы»*. В поучении эти модели реализуют общие для них семантические функции. Смена модели позволяет автору выразить коммуникативную задачу поучения: *«Молю вы, братье, каждо васъ: внидите в помыслы ваша, узрите сердечными очима дѣла ваша, – възненавидѣте их и отвержете я, к покаянью притецѣте. Гнѣвъ Божию престанетъ, и милость Господня изльется на ны, мы же в радости поживемъ в земли нашей»*.⁶ Этот фрагмент текста поучения, демонстрирующий смену модели *«азъ/я ↔ вы»* на *«мы»*, содержит прямой призыв к перемене, включенный в словесный ряд императивов 2-го лица множественного числа, реализованный в тексте поучения, и называет коммуникативную цель – радость праведной жизни.

Смена коммуникативных моделей реализована в тексте «Слова блаженного Серапиона о маловерье».⁷ В тексте не только сменяют друг друга модели *«азъ/я ↔ вы»* и *«мы»*, но и в общую перспективу повествования включается модель *«ты»*. Нагромождение ролевых дейктиков в текстовом пространстве поучения усиливает его экспрессивность, что позволяет по-

¹ Ерѣмин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. V. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 181.

² Там же.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же.

⁵ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 372–377.

⁶ Там же. С. 374.

⁷ Там же. С. 382–385.

вествователю оказывать эмоциональное воздействие на слушателя для достижения коммуникативной задачи. Смена модели позволяет указать на цель повествования: «...бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи **наша** и наказая **насъ**, **приводя на покая- нье**. О **маловѣрнии**, **слышите** казни от Бога». ¹ Пресуппозиция текста поучения заключена в согласии всех коммуникантов в том, что несправедливая жизнь ведёт к наказанию, а задача повествователя – подвести адресата к покаянию. В тексте поучения смена коммуникативных моделей позволяет достичь эффекта эмоционального воздействия на слушателя. Эту роль особо играет включение модели «ты», нехарактерной для текстов поучений подобной тематической организации: «Оканне, кого **спѣдаеши**? не таково же ли человекъ, яко же и **ты**? не звѣрь естъ, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на ся **влечеши**? или бессмертенъ **еси**? не **чаеши** ли суда Божия, ни возданыя комуждо по дѣлом его?» ² Ты-стратегия позволяет сделать текст лично-ориентированным и обратиться к каждому слушателю. Эта коммуникативная стратегия реализуется через цепь риторических вопросов, которые заставляют его задуматься о своём духовном состоянии [10, с. 14]. Поддерживает эту экспрессивность высказывания в тексте словесный

ряд оценочных обращений, не характерный для древнерусских поучений в целом: «О, **неразумнии** – О **маловѣрнии** – О **человѣци** – Оканне». ³ Таким образом, смена ролевых дейктиков в текстовом пространстве древнерусского поучения является сознательной коммуникативной стратегией повествователя и создаёт сильные позиции текста, которые позволяют ему высказать значимые для него идеи, обращённые к адресату текста.

Заключение

Взаимодействие коммуникативных моделей в древнерусских поучениях XI–XIII веков, выражающих ролевой дейксис в текстовом пространстве, определяет выбор коммуникативной стратегии повествователя (адресанта) как активного субъекта, направленной на слушателя (адресата) с целью изменить или скорректировать его модель мира. Каждая коммуникативная стратегия связана с отбором языковых средств (главным образом морфологических), с помощью которых повествователь определяет своё коммуникативное поведение и направляет внимание слушателей к божественным истинам, заданным христианским контекстом древнерусской словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петренко Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и стратегии их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 25 с.
2. Папаян Ю. М. Отбор – структура – текст // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2007. № 1. С. 212–219.
3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
4. Серганова Д. А. Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI–XIII веков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 72–77. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.74.67.012.
5. Шаповалова Т. Е. Аористивное значение синтаксического времени // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени: Избранные статьи. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 12–14.
6. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 212 с.
7. Никищенкова Г. В. О диалогической организации «Послания о неделе» Феодосия Печерского //

¹ Слова и поучения Серапиона Владимирского / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 382.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 382–384.

Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 161–163.

8. Кузнецов И. В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 43 с.
9. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.
10. Калинин К. А., Улеева А. А. Цепь риторических вопросов как приём организации древнерусских текстов ораторского красноречия Серапиона Владимирского (XIII век) // Слово в зеркале истории языка: материалы VI Абрамовских научных чтений. Вып. 4 (Набережные Челны, 14 октября 2022 г.) / под общ. ред. К. А. Калинина. Набережные Челны: Набережночелнинский государственный педагогический университет, 2022. С. 11–15.

REFERENCES

1. Petrenko, E. A. (2011). *Communicative Strategies and Tactics of an Old Russian Scribe and Strategies for Their Implementation in "The Tale of Barlaam and Joasaph"*: [Dissertation]. Vladivostok (in Russ.).
2. Papyan, Yu. M. (2007). Selection – Structure – Text. In: *Vestnik of Gorky Literary Institute*, 1, 212–219 (in Russ.).
3. Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
4. Serganova, D. A. (2022). Exhortation as a Key Component of Author's Modality in Old Russian Oratorical Prose of the 11th–13th Centuries. In: *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 3 (46), 72–77. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.74.67.012 (in Russ.).
5. Shapovalova, T. E. (2022). Aorist Meaning of Syntactic Tense. In: Shapovalova, T. E. *Etudes on Time: Selected Articles*. Moscow: Moscow Region State University publ., pp. 12–14 (in Russ.).
6. Uzhankov, A. N. (2022). *Picture of the World of an Old Russian Scribe. Categories of Russian Medieval Culture*. Moscow: Institute of Heritage publ. (in Russ.).
7. Nikishchenkova, G. V. (2008). On the Dialogical Organisation of Theodosius of the Caves's "Message on the Week." In: *Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 1. Pp. 161–163.
8. Kuznetsov, I. V. (2009). *Rhetorical Strategies of Literary Discourse (Based on Russian Literature of the 11th–19th Centuries)*: [Dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Konyavskaya, E. L. (2000). *Authorial Self-Awareness of an Old Russian Scribe (11th–Mid-15th Century)*. Moscow: Languages of Russian Culture publ. (in Russ.).
10. Kalinin, K. A. & Uleeva, A. A. (2022). The Chain of Rhetorical Questions as a Technique for Organising Old Russian Texts of Serapion of Vladimir's Oratorical Eloquence (13th Century). In: *The Word in the Mirror of Language History: Proceedings of the VI Abramov Scientific Readings. Iss. 4 (Naberezhnye Chelny, October 14, 2022)*. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University publ., pp. 11–15 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Константин Андреевич (г. Набережные Челны) – кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой русской и татарской филологии Набережночелнинского государственного педагогического университета;

ORCID: 0000-0002-9062-9616; e-mail: filologkalinin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Kalinin (Naberezhnye Chelny) – Cand. Sci. (Philology), Acting Head of the Department of Russian and Tatar Philology, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University;

ORCID: 0000-0002-9062-9616; e-mail: filologkalinin@mail.ru